Сидя на скамейке у кабинета директора, Дженни смотрела на свои руки, нервно теребящие колени. По другую сторону двери ее отец выяснял, почему ему пришлось оставить работу и приехать в школу. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем она услышала, как открылась дверь, и у нее пересохло во рту, когда в поле ее зрения появились туфли отца. С бьющимся сердцем она подняла глаза на него.

"Пойдем", - прорычал он, показывая большим пальцем, чтобы она следовала за ним.

Подхватив свою сумку с книгами, она последовала за ним на улицу к его машине. По дороге домой они не разговаривали; отец просто смотрел прямо перед собой в лобовое стекло, а она сидела на пассажирском сиденье и держала в руках сумку. У дома он придержал для нее дверь, и она прошла мимо него, опустив голову.

Затем дверь захлопнулась за ней... с силой, звук заставил ее подпрыгнуть.

"Иди в свою комнату и жди", - сурово приказал ей отец.

"Папа, я..."

"Я сказал, иди в свою комнату и жди", - огрызнулся он.

Повинуясь, она пошла наверх, в свою комнату. Там она села у изножья кровати, сложив руки на коленях... снова. Тревожное ожидание... снова. Слишком нервничая, чтобы переодеться, она осталась в школьной форме: клетчатая юбка и белая блузка с носками до колена и черными туфлями. Ее длинные грязные светлые волосы были заплетены в косичку, концы которой скреплялись маленькими розовыми бантиками, а тени для век подчеркивали ее темные глаза.

Как и возле кабинета директора, она, казалось, ждала целую вечность. Но потом он быстро постучал в дверь и, не дожидаясь приглашения, вошел внутрь, остановившись в нескольких футах от нее, руки его висели по бокам, пальцы сгибались. Он снял туфли и носки, но при росте более шести футов возвышался над ней в своих брюках и рубашке, причем последняя была расстегнута и распахнута, так что висела открытой, обнажая его крепкий торс.

"Итак, я немного успокоился", - сказал он, его голос был ровным. "Расскажи мне, что случилось".

"Папа, я... Я...", - заикалась она, пытаясь придумать, как оправдать свои действия. Потерпев неудачу, она замолчала, опустив глаза.

"Значит, это правда", - сказал он, в его голосе послышалось рычание. "Ты дала по голове какому-то мальчику в раздевалке?".

Не в силах поднять глаза и посмотреть на него, она продолжала смотреть в пол, по ее щеке

бежала пара слезинок.

"Ну, а ты?" надавил он.

Кроткий кивок был единственным ответом, который она смогла дать.

"Черт", - тяжело вздохнул он.

Он имел право злиться.

Она подвела его.

Когда она была маленькой, ее мать попала в автокатастрофу, и в течение многих лет после этого она боролась с зависимостью от обезболивающих, вынуждая его брать на себя все заботы. А чуть больше года назад ее мать просто собрала чемодан и уехала. Она сказала, что делает это ради них, чтобы им не пришлось иметь дело с ее постоянными рецидивами, но Дженни подозревала, что это был лишь предлог для того, чтобы с головой окунуться в свою зависимость.

Ее уход повлиял как на отца, так и на дочь.

Он стал замкнутым, больше времени проводил на работе и в своей берлоге, когда был дома.

Дженни начала вести себя неадекватно, общаться с мальчиками из школы, целоваться и... другие вещи. Такие вещи, как минет в раздевалке. Заинтересовать мальчиков было легко. Ее естественная красота не нуждалась в макияже, хотя ей нравилось пользоваться тенями для век и помадой. Ее полные груди с чашечками "B" хорошо сидели на ее атлетической фигуре, и у нее была круглая маленькая попка, которая хорошо смотрелась даже в плиссированных форменных юбках. Поэтому она нравилась мальчикам. И они нравились ей. То, что они делали... ощущение их рук на ней... ощущение их твердых членов...

"Встань", - приказал отец, прерывая ее мысли.

Она послушно соскользнула с кровати и встала на шаткие ноги, ее лицо оставалось опущенным.

"Посмотри на меня", - прорычал он.

Она робко подняла глаза, но смогла встретить его взгляд лишь на короткую секунду, прежде чем нервы заставили их снова опуститься на пол.

"Посмотри на меня, мать твою!" настаивал он.

Гнев в его голосе удивил ее почти так же сильно, как и тот факт, что он ругал ее, чего никогда не делал раньше. Он всегда был тверд с ней, но не строг. И она знала, что он ненавидел, когда она не смотрела ему в глаза. Но даже это никогда так не злило его.

Что-то подсказывало ей, что его отношение к ней изменится.

Она просто не знала, до какой степени.

Снова подняв глаза, она заставила себя выдержать его пылающий взгляд, жалея, что ее волосы не распущены, чтобы глаза были частично скрыты челкой.

"Тебе может быть восемнадцать, но ты все еще моя дочь", - прорычал он. "До выпускного осталось всего несколько месяцев, и, ей-богу, я тебя туда отведу... если тебя не исключат".

Глаза Дженни расширились от удивления. Она даже не думала о том, что ее могут исключить. Отстранение - да. Но исключение?!

"После этого, - продолжал он. "Ты можешь уйти и сниматься в порно, если захочешь. Но до тех пор ты будешь гребаным затворником, если это то, что я должен сделать, чтобы уберечь тебя от неприятностей".

"Папочка, прости меня", - прошептала она, его тон напугал ее больше, чем его угроза.

Он молча стоял там в течение минуты, возвышаясь над ее скромным ростом, его ноздри раздувались, когда он что-то обдумывал. Затем он внезапно шагнул вперед, схватил ее за руку и закружил, проходя мимо нее.

"Ты будешь чертовски сожалеть", - прорычал он. "Иди сюда".

Одним плавным движением он сел у изножья ее кровати и потянул ее вниз через колени, подняв ее задницу вверх. Половина ее туловища лежала вдоль края кровати, а другой рукой она тянулась к полу, боясь упасть лицом в ковер. Чтобы удержать ее на месте, он положил руку ей на спину и защелкнул наручники на боку.

"Нет, папочка. Пожалуйста, нет", - хныкала она, зная, что сейчас будет.

Шлепок.

Его рука опустилась на ее задницу.

Когда он дернул ее на месте, часть ее юбки задралась. Дополнительные складки смягчили удар, но все равно было больно. Дженни не знала, что причиняет больше боли: сама порка или тот факт, что ее действия заставили его почувствовать необходимость сделать это.

Шлепок.

Его рука приземлилась снова. И снова юбка смягчила ее приземление. Должно быть, он тоже это понял, потому что рывком поднял ее, убирая с дороги, и с проклятием накинул на талию.

Шмяк!

"Ай!" - вскрикнула она, ее тело слегка подпрыгнуло от боли. Только ее хрустящие белые трусики были теперь между ее упругими щеками и его опускающейся рукой.

Шмяк! Шмяк! Шмяк!

Его рука приземлялась снова и снова, заставляя ее вскрикивать, а ее тело подрагивать на его коленях от каждого жалящего шлепка. Разметавшись по его коленям, Дженни сбилась со счета, сколько раз он ее отшлепал, но в конце концов заметила, что натиск постепенно меняется.

Шлеп! ... . . Шлепок! . . Шлепок!

Соединения не смягчились, но их частота изменилась... его рука делала паузу между каждым... задерживаясь там, где она приземлялась.

Шмяк! . . . . Шмяк! . . . Шмяк!

"Какого хрена?" прорычал он, его тон был растерянным.

Что он...? Дженни задумалась.

"Ты становишься мокрой!" заявил он, отвечая на ее вопрос до того, как он полностью сформировался.

Вот дерьмо! Ее разум вскрикнул от реальности его заявления. Она была так сосредоточена на том, что ее шлепают, и старалась не упасть на ковер, что не заметила возбуждения, нарастающего в ее теле. Но теперь заметила. Она чувствовала, как ее угли шипят в чреслах... ее плоть кипит от их жара... ее соки текут. По какой-то причине шлепки возбуждали ее. А когда ее задница была поднята вверх, а юбка задрана, он мог видеть влажное пятно, появившееся на ее трусиках.

Она не понимала, почему это происходит…

Как это происходит…

И все же это было…

Шмяк!

На этот раз, когда его рука опустилась на ее задницу, она задержалась дольше… надолго задержалась на ее упругой попке, прежде чем отдернуться.

Шмяк.

Теперь сила ослабевала. Она все еще была твердой, но уже не так сильно. И его рука задержалась еще дольше.

Шлепок.

Его рука задержалась.

Неужели он только что…? спросила она себя, чувствуя, как его пальцы слегка напряглись на ее щеке.

Рука отдернулась.

Смак.

Его рука задержалась еще.

Он сделал это! Он только что сжал мою задницу! кричал ее разум, на этот раз уверенный, что его пальцы исследовательно сжали ее щеку. Смятение охватило ее, когда угли желания разгорелись в раскаленные угли. Хотя ей нравилось, когда парни из школы играли с ее задницей, это был не один из них… это делал ее отец. Так что это не должно было так на нее влиять.

И все же это было…

http://erolate.com/book/2517/62043